

ОПРИЧНИНА - 79 (Политические расправы уголовным путем)

Выпуск I. - КНИЖНЫЕ ПОГРОМЫ В СССР

(Обыски по делу неподцензурного, самиздатского журнала "Поиски")

Это варварство сравнимо разве что с нацистскими кострами из "крамольных" книг.

Хотя здесь книг не жгли. Их осквернили сыском, свалили в мешки и увезли на какие-то тайные склады. Возможно, там их, в конце концов, тоже сожгут.

Это случилось не при орвелловском Ангсоце и не в мире книжных пожарников Рея Бредбери - в сегодняшней Москве, в мирный Татьянин день, 25 января 1979 года. Кажется, такой облавы на Слово, таких тотальных изъятий книг и рукописей, как у членов редколлегии московского журнала "Поиски" Раисы Лерт, Юрия Гримма, Петра Егидеса, Валерия Абрамкина, Виктора Сокирко, Виктора Сорокина и нескольких их знакомых - не было давно. 11 февраля Мосгорпрокуратура совершила такое же нападение на квартиру Юрия Величкина, пенсионера, инвалида войны. Ранее, в ноябре 1978 года, было проведено два обыска у одного из авторов "Поисков", художника и писателя Михаила Зотова в городе Тольятти.

Налетам придана видимость процессуального действия. "Перед началом обыска, - так пишут они в протоколе, - следователем объявлено постановление от 25 января 1979 года, после чего Лерт Раисе Борисовне предложено добровольно выдать материалы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также другие предметы и документы, имеющие значение для настоящего дела (а какие "предметы" и для какого "дела" - это кто-нибудь разъяснил?).

После того, как Лерт Р.Б. заявила, что у нее таких материалов не имеется (и все заявили), был произведен обыск, в результате которого обнаружено и изъято..."

И дальше идут листы описей, десятки и сотни номеров. Ах злоумышленники, такие-сякие, еще и нелгали, что нет "порочащих", а они тут - на столах и полках, в папках и россыпом, квартиры буквально набиты этими "порочащими", только оттаскивай мешки!

У Р.Б.Лерт изъято 54 наименования. Книги стихов Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, "Охранная грамота" Бориса Пастернака. Ах,

зарубежные издания?! Ну и что же, поэтому — "клеветнические" они? Стихи искажены? И почему вслед за этими книгами отправляет в свой мешок следователь Корнакова и стихи Ахматовой на машинке, 15 листов? И машинописную книгу Альтмана "Портрет Анны Ахматовой?" И "Записки об Анне Ахматовой" Лидии Чуковской? Что это? Не только книги, но и жизни величайших русских поэтов до сих пор — под запретом? "Крамола" они, "подрыв"?

Изъято множество рукописей. Вот И. Белов. "Разделение труда и перспективы коммунизма, на 1137 листах (!). Мы не знаем, кто такой И. Белов и не читали его книги. Но можно ли себе представить 1137 листов "заведомо ложных сведений, несоответствие которых действительности (это из кодекса) известно виновному уже тогда, когда он распространяет такие измышления". Т.е. когда писатель еще только берет за перо, так что ли? Да и рукопись, судя по названию, какая-то научная, дискуссионная... А если к тому же она — итог всей жизни И. Белова да еще, не дай Бог, была отпечатана в единственном экземпляре?

Нет, московские следователи изымали литературу вовсе не по тому признаку, что был указан, для отвода глаз, в их постановлениях. И никакую не "клевету" отбирали они — гребли подряд; все, что на пишущей машинке, что "не нравится", все, где упомянуто хоть никуда "недозволенное" имя.

№ 23 (это все из протокола Р. Лерт): Книга "Грач — птица весны", отпечатанная на машинке...

№ 27. А. Галич. "Книга песен" — машинописный текст...

И даже такие есть изъятия, вот уж где подлинный грабёж:

№ 26. Папка с различными машинописными текстами на 294 листах... Нет, не утруждает себя вникнуть в суть следователь Корнакова, хотя бы название найти!

Или: № 38. В комнате также обнаружено и изъято 34 папки с различными машинописными и рукописными текстами...

Вот так, знай наших! 34 папки — одним росчерком пера!

Мы не знаем, что думала следователь Корнакова, заталкивая в мешок эти папки. А перед тем заставив тяжело больную (воспаление легких!) Р. Б. Лерт встать с кровати, чтобы ... обыскать ее постель!

У Р. Б. Лерт забрано, помимо этих 34 папок, около 3 тысяч листов рукописей, то есть весь ее писательский архив!

Изъятие литературных архивов стало черной модой, обыденным делом советской опричнины. Неоднократно, в разных местах, изымались, еще при жизни писателя в своей стране, архивы А.Солженицина, нападения на них производились по всем правилам налетной науки... В 1977 г. при аресте З.Гамсахурдия в Тбилиси из квартиры был вывезен весь его архив, а заодно и архив его покойного отца, писателя К.Гамсахурдия... Был пограблен архив при аресте ныне покойного украинского писателя Г.Снегирева... Осенью 1977 г., в г.Умани, изъят архив на обыске у старейшей украинской писательницы (ей 83 года) Н.В.Суровцевой, в том числе обширные воспоминания более чем за 60 лет. До сих пор Н.В.Суровцевой не возвращено ни листка.

Может ли представить себе такие погромы западный читатель? А что скажут писатели? Например, вы, господин Майк Дэвидов, "прогрессивный писатель" и "американский диссидент", как называют вас газеты? Представьте, что это к вам нагрянули вдруг агенты ФБР с мешками и утоптали туда, без разбора и объяснений, ваш писательский архив!

Невосполнимый урон нанесен при налете на "Поиски" Ю.П.Величкину, хранителю некоторых материалов журнала. 108 наименований, тысячи страниц, следовательно Князев не утруждал себя подробным счетом.

У Величкина отняты его воспоминания — "Рассказ о том, как я воевал", переписка с редакциями, многолетние подборки газетных материалов (нет-нет, не из "Таймс" — из "Правды" да "Известий"!) по сельскому хозяйству, экономике, общественно-политическим вопросам. В мешок пошли и информационные бюллетени Академии наук, и папка с вырезками "О Маяковском", и "Библейские беседы", и даже... текст отречения Николая II в 1917 г. (тоже ведь "антисоветская клевета"!). Конечно, и тут тоже Борис Пастернак, "Стихотворения и поэмы", в протоколе записано: "в количестве 4-х томов, изданы к у с т а р н ы м способом, отпечатаны на машинке и переплетены".

Ах вот оно где, государственное преступление — "кустарным способом" посмел человек то, что ему хочется, переплести!

Свыше 4 тысяч листов литературно-художественных рукописей разных авторов взято у В.Абрамкина. Здесь же несколько экземпляров "Поиски", неизданные стихи Д.Хармса.

У Виктора Сорокина увезли (следователь Боровик) 79 наименований, свыше 2,5 тысяч листов. Взяты рукопись воспоминаний С.Лема,

"Кризис искусства" Н. Бердяева, стихи И. Бродского, множество самиздатовских текстов и заявлений. Взяли 3 пишущих машинки, фотоаппарат "Зенит", фотоувеличитель и гляцеватель. Изъяты, не понять к чему, даже такие предметы как... шрифтоочиститель и силикатный клей.

67 наименований — в протоколе обыска у Юрия Гримма. Рукописи, записные книжки, пишущая машинка "Москва"... Ксерокопия книги "Иудейская тайнопись" (ну так иудейская же!)... Машинописная статья Т. Давыдова "Я против террора" (ну так против же, не за!).

Изъята у Ю. Гримма его гордость, предмет, восхищавший всех, кто бывал в этой тесной, но гостепреимной квартире, — его "иконастас", уникальная стенка с фотографиями друзей и знакомых. В протоколе одной строчкой: "стенд с фотографиями в количестве 98 штук". С какими? Разве что-то недозволенное, какие-нибудь военные объекты на них? А большинство фотографий — с дарственными надписями, нет им ни повторения, ни цены.

И еще одно черное изъятие совершено на квартире Ю. Гримма: архив генерала П. Г. Григоренко, 14 папок и книга его военно-теоретических работ. Как ни убеждал Ю. Гримм следователя, что к журналу "Поиски" это не имеет никакого отношения — взяли.

Отняв у генерала Григоренко родину, отняли теперь и его архив.

Еще один архив!..

Московскому журналу "Поиски" нанесен немалый урон. Всего у 8 человек (Лерт, Гримм, Егидес, Абрамкин, Сокирко, Сорокин, Павловский, Величкин) изъято примерно 10 тысяч машинописных листов.

Что же за чудище такое, этот журнал? К чему он звал? К свержению власти? Да нет, ни в одном тексте — ни слова, ни намек. Может быть, войну пропагандировал или террор? И такого не было. Так, может быть, распушенность нравов, аморальность? Тоже нет.

В журнале не содержалось никакой клеветы. Критические материалы — да, но "заведомо порочащие" — нет. Не назовешь же такими отрывки из книги секретаря испанской компартии Сантьяго Каррильо "Государство и еврокоммунизм". Или главу из книги Ф. Искандера "Пир Валтасара" — только за то, что она не понравилась цензору Главлита. Или посмертные публикации Ю. Домбровского...

Свободный московский журнал "Поиски", как называли его издатели, имел единственную цель — служить свободе мысли и разномыслию.

Это была еще одна попытка издания неподцензурного демократического журнала, который собрал бы под одним переплетом художественную и общественно-политическую литературу, представляющую сегодняшнюю инакомыслящую Россию. И как же он нужен, такой журнал, не эмигрантский — внутри страны, который сфокусировал бы мысль, бьющую ныне тысячей разрозненных родничков! Может быть, издание такого журнала приостановило бы утечку мысли и ее распыление по западным, пусть доброответным, но все-таки далеким, зачастую оторванным изданиям и голосам...

Журнал "Поиски" представлял собой издание легальное, с открытой редколлегией, на обложке каждого номера стояли их фамилии и адреса. Своей задачей журнал ставил поиски взаимопонимания, он был рассчитан на открытую дискуссию каждого со всеми — по любым проблемам общественно-политической жизни страны, по осмыслению ее недавнего прошлого и настоящего.

В этой дискуссии могли принять участие и власть придерживающие. Это ведь тоже очень нужно (и уже пора!) — дискуссия между властью и инакомыслием, рассчитанная на взаимопонимание. Разговор мог быть перенесен на страницы государственной печати. Редколлегия журнала — они не таились — была готова к критике. Их даже можно было, если бы это показалось необходимым, пригласить в суд, разослав повестки по указанным на обложке журнала адресам. Приглашали же в свое время В.Короленко за публикацию журналом "Русское богатство" задевшего власти очерка Л.Толстого...

Увы, дискуссии не получилось. Власти и на этот раз предпочли самое скорое и ничтожное решение — забить оппоненту кляпом рот.

Мы считаем, что "дело" московского журнала "Поиски" должно быть рассмотрено на очередном совещании по выполнению Хельсинских соглашений, которое состоится в Мадриде в конце 1979 года. Может быть, и секретарь испанской компартии Каррильо к этому времени выскажется по поводу ареста в Москве глав из его книги.

Жестокий опричный погром, которому подвергся свободный московский журнал "Поиски" вновь демонстрирует тот разрыв, что существует между лицемерными декларациями советских властей и фактическим положением со свободой слова в нашей стране.

И речь тут не об отдельных нарушениях прав — о полном отсутствии таковых.

Нет прав человека в стране, где сыску и экзекуции подвергается вольное от Бога слово.

Нет прав человека в стране, где костяная рука опричнины ша-
рит ежедневно по книжным полкам и письменным столам.

Нет прав человека в стране, где изымаются писательские ар-
хивы, где писатель и журналист скручены по рукам и ногам.

При обыске у упомянутого выше художника из г. Тольятти М. Зо-
това была изъята, в числе других, картина, на которой художник
изобразил себя на фоне Кремля — стоящим на коленях и с замком на
губах.

И это — точный образ, отражающий нынешнее положение со сво-
бодой слова и творчества в СССР.

Март 1979 г.

Виктор Некипелов.

